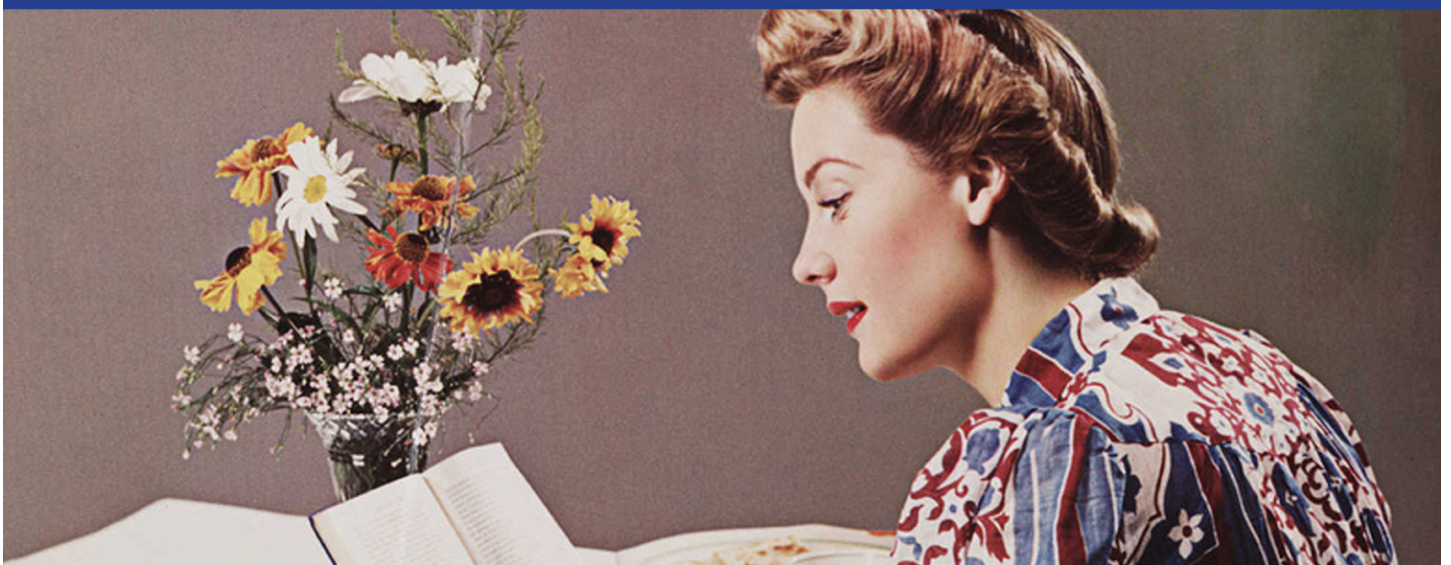

Галина Щербакова

Степь русская

ФТМ

Чеховские герои в XXI веке

Галина Щербакова

Степь русская

«ФТМ»

Щербакова Г. Н.

Степь русская / Г. Н. Щербакова — «ФТМ», — (Чеховские
герои в XXI веке)

© Щербакова Г. Н.

© ФТМ

Галина Щербакова

Степь русская

Это моя первая командировка – в захолустный городок Челябинской области. Старый матерый журналиста редакции напутствует меня словами: «Не видал беды – поезжай в Бреды». Я нервно смеюсь. Мне на самом деле страшно, я храбрая при своих и при свете дня, а мой – он единственный – поезд приезжает в Бреды вечером, и мне еще ехать сколько-то часов до поселка, куда вызвало меня письмо. Райком комсомола осведомлен, меня должны встретить и проводить, но я как-то слабо во все это верю.

Я в журналистике – ноль, я совсем не знаю глухую провинцию, один расчет – я молоденькая и в зеркале ничего себе. Да! Еще зима. Холодрыга будь здоров, и на этот случай у меня нет ничего. Редакция моя – через дорогу, бегаю в так называемых «румынках» – полуботинки с искусственной опушкой. Пальто у меня вообще одно – и на осень, и на зиму. А на голове – смейтесь, смейтесь – берет из такой же опушки, что и на «румынках». Он хорошо лежит только на макушке, на уши его не хватает.

Вот такая вся из себя я и приезжаю. Меня честно встречает высокий, весьма презентабельный человек. Он не из райкома, а, как ни странно, из той деревни, куда я должна ехать. Он как бы подвернулся к случаю райкому, а я ему. Из разговора с ним выясняется, что ехать нам ночью по зимней степи около трех часов. Ехать на санях, дорога скверная, а для ночи трудная. Но тут, как говорится, без вариантов, другого пути нет.

И мы идем к саням. Мне уже холодно так, что спасу нет. Закоченела вся. Я чувствую замороженность локтей и лед ягодиц. Ну, и как я могу про это сказать? На человеке тулуп до самых пят, огромная меховая шапка. И я слышу нервный меховой смех зимней одежды над моим скосившимся беретом.

В санях что-то брошено. Я плохо соображаю, но это оказывается еще один тулуп – для меня. Человек растягивает его на руках, приглашая меня как бы войти в него и вставить свои руки в рукава. Он долго лежал на морозе, тулуп. Он ледяной. Но надо мной стоят с видом, что, если я не буду делать как надо, тулуп на меня просто кинут. И я рухну под его тяжестью в сугроб, и станет у журналистки избушка ледяная, в которой ее и похоронят под названием «Она не выдержала первого испытания делом». Хотя в эту минуту смерть мне даже соблазнительней своим бесчувствием (так мне холодно), но я делаю, как мне велят. Сую руки в ледяные рукава, мне на голову валится ледяной капюшон. Встречающий перехватывает меня веревкой, по его пониманию, в талии, кидает в сани, заталкивая под меня мои же бедные ноги в румынках. Он садится рядом, и мы трогаем, по-моему, незнамо куда. Лошадка бежит борзо, я, находясь в ледяной бане, начинаю думать: три часа я, пожалуй, не выдержу.

Лошадка старается. Сосед мой молчит. Но тут выясняется сила моего слабого тела. Оно, оказывается, может разогреть тулуп. Во всяком случае, через какое-то время я выныриваю носом из капюшона, мгновенно задохнувшись морозом, но чужая рука заталкивает мой мокрый нос обратно. И мне уже хорошо внутри, я даже начинаю думать о высоком. О том, что с лицами девушек так не поступают, их не пихают грубо, что мой сосед – невоспитанный мужлан, а чего я ждала на этом конце света? Я начинаю чувствовать острый запах козуха, он мне не нравится, и я проковыриваю пальцем в шубном забрале выход на волю хотя бы для носа. Что я вижу и слышу? Очень холодно – это да. Снега на земле мало, и сквозь него я вижу не только кочки земли, но и засохшую траву. И это меня торкает. Именно так я думаю, хотя такое слово в дистиллированной литературе встречается редко. Но я недавно из института, я помню одно из смешных далевских толкований: торк – внезапный натек силы с разгону. Я вставляла эти слова в какую-то свою курсовую, мне нравились «натек» и «с разгону». Я восхищалась безграничностью или чем-то там еще русской речи.

Вот и тут, еду на санях в какие-то богом забытые места, снаружи не меньше сорока, а может, и все пятьдесят, я продырявила потайную дырочку в капюшоне и вижу степь такой степени застылости, что меня торкает мысль: а остается в ней что-то живое при таком морозе? Трава?.. Да трава моего детства в пору зимы – просто юная красавица по сравнению с этими искривленными колючками. Вот бы сорвать травинку и размять в руках, оживет ли она или рассыплется в труху? Я люблю думать о траве больше, чем о чем-либо другом в ботанике. Самая простая, самая примитивная, но самая живучая. И именно в ней рождаются цветы-красавцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.